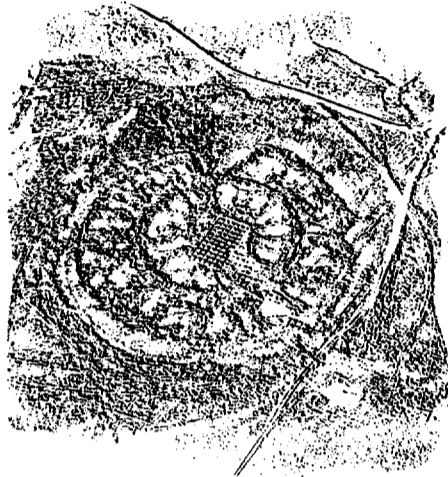

Аркаим

Измайловский

Закончился очередной летний сезон в заповеднике «Аркаим». Многие горожане с удовольствием переживают свои посещения и духовные бдения на территории протогорода. Другое, более строгое, скорее научное отношение к Аркаиму у жителей села Измайловского.

Наверное, Измайловская школа единственная на Урале, а может быть и в мире, которая имеет у себя в краеведческом музее развернутую экспозицию Аркаима. Кроме того, Раиса Ивановна Алиуллина, географ школы, собирает в папку газетные публикации о знаменитом протогороде. Это музейное духовное пространство создано Александром Антоновичем Заплатиным, директором АО «Измайловское». Он дружит с археологической партией Г. Б. Здановича, наверное, с 1989 года. Во всяком случае в 1991 году газета «Челябинский рабочий» сообщала: «На сегодня создан благотворительный фонд «Аркаим». В селе Измайловском состоялось первое заседание президиума».

Заплатинское хозяйство и кормит археологов, и выпекает для него ежедневные 40 булок хлеба, и участвует во многих насущных заботах Аркаима. В свою очередь и археологи встречаются с измайловцами, в основном, в школе.

— Пусть молодежь разбирается с тайнами Аркаима, — считает Александр Антонович.

И молодые «измайльтяне» вслушиваются в древние «новости» своей родной земли. В новости, которые сообщает им открыватель Аркаима, профессор Челябинского Государственного университета, руководитель археологической партии Геннадий Борисович Зданович: «Мы считаем родное Зауралье глубокой провинцией, но обнаруженные на Аркаиме керамика, развитая технология выплавки бронзы, хозяйственный инвентарь, конская упряжь, украшения дают нам основания предполагать, что здесь был один из центров становления цивилизации».

Это протогород ариев, 16-й век до нашей эры. Нам интересно знать мировоззрение ариев. В отличие от нас, в основе их жизни лежал принцип экологической культуры, принцип сотрудничества с Солнцем, Луной и Землей, осознание тесной взаимосвязи Земли и Космоса. Уже сегодня у наших астрономов есть доказательства, что Аркаим — древняя обсерватория, позволяющая с точностью до 15-20 секунд определить все 18 событий пригоризонтной астрономии. Событий, связанных с движением Луны и Солнца.

Римма ДЫШАЛЕНКОВА

Дивные, фантастические речи звучат на измайловской земле. Как-то они повлияют на молодые сердца?

В одном Заплатин уверен: Аркаим заставляет людей, и больших, и малых, очнуться от технократического обморока, обратить внимание на землю, как на живой организм. Этот организм требует честного к себе отношения. Земля не переносит демагогии и предательства, доносов и чиновничьего чванства. Она напоминает: «Покров всем один. Я даю Вам силы, я их и отнимаю».

Редко, взволнованно и одиноко посещает Аркаим Александр Антонович. Но нам удалось подглядеть, как он стоял в сумерках на горе Шаманке, повернувшись лицом к древнему протогороду и шептал странные слова: «Мать, сыра земля, простишь ли меня?»

«Между тем Аркаим, таинственно расположившись на измайловской земле, становится «мировой знаменитостью». Кроме археологов из Америки, Германии, Франции и прочих сопредельных государств, кроме отечественных светил науки, съезжающих сюда на ежегодные симпозиумы, облюбовали холмы и горы «Аркаимской долины» соискатели духовного родства с Космосом, народные врачеватели, ясновидцы и астрологи. Дни весеннего и осеннего равноденствия (21 марта и 21 октября), дни летнего и зимнего солнцестояния собирают немало поклонников Солнечной пригоризонтной астрономии».

Растут легенды и мифы Аркаима, и остается только ждать, когда в Измайловской школе какой-нибудь десятиклассник возьмется за перо и опишет все, что он слышал и видел на своей родной земле в связи с Аркаимом. Во всяком случае в школьном музее хранятся рисунки старшеклассников, навеянные феноменами Аркаима.

Но кроме того, посещения Аркаима для учащихся Измайловской школы — это легкая работа в археологической партии. Это ночные сидения-бдения у костра, это обостренное переживание красоты звездного ночного неба, когда созвездия, одно выразительнее другого, зовут к себе: вот Бегемот Ориона, вот Кассиопея, совсем рядом над головой ковш Большой Медведицы... И этот великий и прекрасный Млечный путь!

А если дождешься восхода солнца, того солнца, на которое можно смело смотреть, не боясь обжечь глаза, и если все-таки глянешь великому светилу в лицо, то можешь увидеть, какими знаками говорит Солнце с людьми. К тебе протянется коридор из солнечных лучей. В этом коридоре ты увидишь и вращающийся крест, летящий к тебе от Солнца, увидишь даже буквы или иероглифы, или цифры. Иероглиф так и переворачивается с латыни: знак неба. И тогда в голове всплывает догадка: так вот откуда древние жители планеты взяли рисунок написания своих алфавитов, циферблатов. Наверное, они молились утреннему солнцу, вопрошали его, глядя на солнце в упор, а солнце в ответ рисовало им буквы-знаки?

Да, Аркаим высветил тревожную крестьянскую жизнь светом вечности. И успокоил, и возвысил. И вот мы уже не чувствуем себя глубокими провинциалами... Мы осваиваем «искусство жить во Вселенной». «Жить, а не выживать», — добавил бы Александр Антонович Заплатин, — нет горюче-смазочных материалов, нет «налички», удушили налоги... «Мать, сыра земля, простишь ли меня?»

В Измайловской, на редкость комфортабельной, гостинице посреднические коммерсанты, устав от дневных переговоров, вечером, после сауны, говорят примерно следующее: «Моя жена велела мне привезти с Аркаима глины, она у меня увлекается глинотеррапией». Я и говорю Заплатину: «Заплатин, организуй скорее упорядоченный бизнес глины, иначе у тебя все Караганские берега растащут в целлофановых мешочках».

ПАМЯТЬ

Встреча третья

После похорон А. Д. Филатова я зашел к главному инженеру комбината Дмитрию Прохоровичу Галкину:

— Дмитрий Прохорович, пойдите в кабинет директора и я вам покажу аппаратуру связи и как пользоваться ею.

— Зачем мне это надо?

— Вас назначили директором.

— Откуда ты знаешь?

— Связисты новости узнают первыми.

— Нет, не пойду. В 16 часов совещание в ЦЗЛ.

— Ждать вас до 20 часов я не могу.

— Покажешь завтра.

— Завтра выходной.

— Ну ладно, пойдем. Учти, до совещания осталось 20 минут.

Вот такой разговор состоялся у нас с Д. П. Галкиным в первый день его директорства. До этого мы, конечно, встречались как с секретарем парткома и главным инженером. Он был совершенной противоположностью его предшественнику. По-человечески мне очень нравился, к нему можно было обратиться по любому производственному вопросу, его можно было попросить о таких вещах, с которыми, казалось бы, неудобно обращаться к занятому человеку, можно было «поэксплуатировать» на проверке средств связи, особенно когда мы внедряли на комбинате радиотелефонную систему «Алтай». Директор, уезжая в Челябинск, поддерживал с нами радиосвязь, помогая сделать диаграмму зоны слышимости этой системы. С ним можно было говорить.

При первом знакомстве он на меня большого впечатления не произвел: небольшого роста, одет просто, в разговоре общителен. Но с первых слов его понимаешь — умен, тактичен, но принципы свои защищает. Среди рабочих, окружающих его людей пошел о новом директоре совершенно другой разговор. В основном все сошлось в одном: интеллектуал, культурный, общительный, простой... Правда, о простоте скоро забыли: не простой! Требовательность не граничила с криком, ругательствами, стало «приятно» получать взыскания, личного достоинства он не затрагивал. С Дмитрием Прохоровичем поработать пришлось недолго. Последняя встреча с ним состоялась при расставании: меня назначили на другую работу и я уходил переводом.

— Ну что, дезертир, пришел попрощаться?

— Если бы вы не дали согласия на перевод, меня не взяли бы, и я бы не пошел.

— Против горького партии, его решений я не пойду, они тебя попросили отпустить. Иди, работай с Богом. Трудно будет — приходи, чем сможем — поможем.

С таким теплым напутствием я ушел работать на другое место, но встречаться с ним пришлось десятки раз. Это уже были вопросы другого, городского плана, и мне хочется об этой стороне работы рассказать.

В то время предприятия обращались на комбинат за материальной поддержкой. Случилось такое и со мной. Необходимо было менять на радиотелецентре физически и морально устаревшее телевизионное оборудование. Гостелерадио обещало помочь в выделении фондов на новое оборудование. Но об оплате и слушать не хотели — Магнитогорск не входил в число городов, где в ближайшее время должны были поменять старое оборудование на новое. В конце концов и в выделении фондов было отказано — местное телевизионное вещание должно было прекратиться. Об этом состоялся разговор в горьком партии, горисполкоме — отказ. Город такими деньгами в то время не располагал, а местное вещание сохранить хотели. Мне посоветовали: иди к директору комбината, поможет — выживете, нет — ничего не поделаешь. При первой же встрече Д. П. Галкин обещал помочь. Сказано — сделано. Не буду говорить, через какие трудности ему пришлось пройти, чтобы выполнить обещание. Министерство, Госплан, челябинские чиновники... Были препятствия и со стороны местных, собственных работников. К

примеру, главный бухгалтер был категорически против. Но все трудности были преодолены, и в июне город занял новые аппаратно-студийный блок и видеозапись, стоимость которых обошлась в крупную семизначную цифру. Одному комбинату трудно было это оплатить, тогда на совете директоров города Дмитрий Прохорович добился участия в этом деле МКЗ, ММЗ. И общими усилиями в 1976 году Магнитогорский радиотелецентр пережил второе рождение. Началась новая эра в местном телерадиовещании. В этом была огромная заслуга руководства ММК, МКЗ, ММЗ и особая — нашего депутата Д. П. Галкина.

Двадцать лет спустя

Недавно, выходя с территории АО ММК через центральную проходную, увидел сидящего в машине человека с очень знакомым лицом. Батюшки! Да это же Д. П. Галкин! Поздоровались.

— Простите, забыл имя, отчество ваше.

— Ничего странного, прошло 20 лет. Завойский Леонид Викторович.

— Отлично, вспомнил.

Пошел беглый разговор, какой бывает при случайной встрече. Один собирался ехать, второй стоял и мешал это сделать — так был рад встрече. Один спешил, другой имел время на больничном листе. Обменялись телефонами с расчетом договориться о встрече.

— Позвони как-нибудь вечером.

Кое-что у меня уже было записано, но решил дополнить. Интересно, каков человек через двадцать лет? Сразу скажу, что почти не изменился. Исключая, конечно, возраст: добавилось седина, появилась сутуловатость, некоторая замедленность движений. Но это естественно. А в остальном он такой же, как в 1976 году, правда, еще более умудренный и выдержанный.

Через несколько дней мы случайно встретились в заводоуправлении. Меня поразила его память. Он первым поздоровался и пообещал сегодня ждать звонка.

Так мы и встретились. С собой прихватил рукопись о прошлых встречах с ним. Прочитал. Заметил, что первого разговора нашего не помнит, но полагается на мою память. Поговорили о детях, внуках. А поводом для этого послужила сказанная им однажды реплика после просмотра телематериалов в студии о работе и быте металлургов.

— Вот сидит уважаемый Л. В. Завойский. У него двое сыновей, они еще школьники, но разве он позволит им стать металлургами? Он постарается их пристроить в хорошее, теплое местечко...

По окончании дискуссии о жизни металлургов зашли в кабинет и здесь я ему ответил на реплику:

— В городе, где основная профессия металлург, мои дети ими будут!

— Посмотрим.

Сейчас я ему об этом и напомнил. Правда, реакция была не та, что я ожидал. Поговорили немного о молодом поколении, о подборе кадров на высокие должности. Он рассказал, как это он делал будучи директором, о воспитании, о внимании к человеку, заботе о людях.

— После того, как инженер, техник, выпускник училища, поработал некоторое время рабочим, он должен расти. На должности мастера он должен отработать два-три года, затем, подменяя старшего мастера, сам должен понять: может ли работать на этой должности. Естественно, это делают и его руководители. Потом — выше и выше. В должности начальника цеха он должен быть пять-шесть лет. Затем — либо продвигаться выше, либо уходить. Сейчас есть тенденция молодых выдвигать без такой последовательности. Может я по-стариковски что-то не понимаю, но, на мой взгляд, эта скоропалительность может привести к неприятным последствиям. Руководители высокого ранга, не пройдя и не зная всю технологическую цепочку, не побывав на общественной работе, которая дает много в общении с людьми, не могут быть на таких должностях.

Конечно, это спорная точка зрения Дмитрия Прохоровича, но я почему-то с ней согласен. Руководителя необходимо готовить и теоретически, и практически, передавая ему опыт, который приобретается не мгновенно, а накапливается годами. Сейчас этим делом мало занимаются. Некоторые руководители идут проторенными тропами, хотя время совсем другое. Готовых для работы на рынке специалистов нет. Только поэтому мы так долго топчемся, ломимся в открытую дверь. Большинство решений, указов, постановлений не воспринимаются только потому, что они подготовлены, изданы, написаны людьми не готовыми к данной работе, в чем они признаются не могут, так как считают это правильным. Пока не придут в экономику новые знающие люди, жить мы будем трудно. Видимо, для этого нужно время и смена целого поколения...

Поговорили хорошо. Возраст немалый, но мысль ясна, речь четкая...

Таким и остается Дмитрий Прохорович Галкин — человек с большой буквы.

Л. ЗАВОЙСКИЙ,
слесарь цеха КИПиА.